

Сравнительно недавно я был под впечатлением от "Романа воспитания" Нины Горлановой, где есть вся эта розановская бытовщина, где из записочек, из отдельных микрорассказов, много до того публиковавшихся, вырастает семейная вроде бы история. Ясно, насколько порушена дистанция между автором и персонажами. Этот текст должен читаться как документальный. При этом коллизия романа заключается в том, что интеллигентная семья берет на воспитание девочку из трудной семьи. Девочка, с одной стороны, художественно очень одаренная, с другой, несет в себе все очевидно неприятные черты своего трудного детства. Кончается все тем, что воспитание не состоялось. Это на элементарном, фабульном уровне. Миф же о художнике-избраннике остается в полной мере. Авторы могут свою мечту о художественном избранничестве переложить на персонажа, в том числе отрицательного, но отдельного человека не появится, а будет, с одной стороны, наслаждение плотью жизни, рассыпающейся и собираемой, с другой стороны, романтический художник. Романтического художника чрезвычайно в нашей словесности много.

Александр Семенович говорил, что неловко сейчас заниматься метафизикой в искусстве, и у этого есть свои резоны, но, мне кажется, уже всем опять стало ловко. Поэтому очень трудно даже в хороших, живых вещах отойти от навязчивого авторского присутствия. Очень трудно найти отдельное человеческое лицо. Неумение строить сюжет, создать запоминающийся характер нельзя выдавать за добродетель. Можно отказываться от сюжетности и характерности сознательно и, видимо, в некоторых случаях нужно. Но очень часто это происходит по совсем иного рода соображениям. Между прочим, по-настоящему сильный писатель, который последовательно идет по такому пути, больше других рискует оказаться неуслышанным.

Мне кажется, что один из самых талантливых людей, работающих сейчас в русской словесности, хотя очень многие со мной на этот счет не согласятся, это Валерий Володин, саратовский прозаик. Вся его проза публиковалась, естественно, в "Волге", где он до последнего времени и работал. У него есть совершенно грандиозные, на мой взгляд, вещи и абсолютно не услышанные, за редким исключением, читателями. Это совершенно непроходимые громады, идешь, как будто продираясь сквозь чащу и бурелом, буквально задыхаясь от густоты текста. Текста, в общем-то, бессюжетного, текста, невероятно пластичного, вещного, с огромной голосовой амплитудой: от трагического, надрывного, безумного плача до абсолютно веселых, каких-то разухабистых хохм. Особенно это видно в повести "Время, жить!". Кстати, никакой ненормативной лексики там нет, и вообще все вполне в норме. Пройти сквозь эту исповедь и выдержать ее чрезвычайно трудно, и писатель как бы расплывается за то, что не пошел на уступку читателю в виде какого-то сюжетного мостика, какого-то дистанцирования себя от персонажа. Не пошел - и прав. Конечно, писатель вообще всегда прав. Но нет ли в этом желании и какой-то, простите, романтической пошлости? Я говорю о писателе, которого очень люблю, и поэтому меньше всего хочу его обидеть. Конечно, нужен читательский шаг навстречу художнику, но какой-то шаг должен (плохое слово "должен", но другого не придумаешь) делать и художник.

Что мы видим на другом полюсе? Я говорю опять-таки о словесности, которая мне нравится. Строится интеллектуальный роман, строится на какой-либо исторической основе, часто на подключении к русской истории, превращающейся в русскую мифологию. Типовые варианты здесь - представление за новое давно известного старого. Скажем, вещи вроде Шарова, с бесконечно намотанным раскручиванием якобы шокирующих истории, которые, более или менее начитанному человеку знакомы, а неначитанный может их где-то еще прочесть. Или бесконечная эксплуатация, репродукция Салтыкова-Щедрина, чем занимался Пьецух в свое время и что на самом деле есть, ох как, у многих. Например, прошлогодняя вещь, многим нравящаяся, "Возвращение в Союз" Дмитрия Добродеева.

Ситуация героя, который бежит по российским пространствам и временам, меняя все обличия окрест, за что, естественно, его беспрестанно, обязательно бьют. В конце мелькают, с одной стороны, Беловежская пуца с соглашениями, с другой стороны, оживающий Ленин, восстанавливающий Советский Союз, а герой все бежит и бежит. Больше всего это похоже на "Ну, погоди!", где в каждой серии надо менять декорацию, спортплощадку на тансинг и т. д., а волк и заяц - одни и те же. Никакой обязательности в композиции при этом нет. Концовку можно было бы поставить на десять глав раньше или наоборот приписать еще десять глав. Кто-то скажет, что это постмодернизм, а, по-моему, очень почтенная щедринская традиция: "История одного города" организована таким же образом. Великий писатель Михаил Евграфович Щедрин был по-преимуществу фельетонистом, то

есть, человеком, работающим с дробными конструкциями, не желающим думать о композиции и, естественно, видящим в действительности и истории некоторый дурдом.

Есть ли вариант удачного подвоя истории и удачного конструирования интеллектуального романа? С некоторой натяжкой - то, что сделано в последней вещи Петра Алешковского, в романе "Владимир Чердынцев". Хотя, скорее, все-таки задумано, чем сделано. Там вся пугачевская предыстория, задающая тему родового проклятия, такая игра с готическим романом, оказывающаяся не только игрой. Там смута нынешняя увидена как не просто дурацкое воспроизведение еще одной русской смуты, а как то, что вырастает из сложного исторического пути России. В романе присутствует хорошее гуманитарное начало, но, к сожалению, он написан крайне неаккуратно, торопливо, ухабисто и до логической своей точки не доведен.

Какие еще пути используют наши писатели, чтобы сделать вещи читабельными? Из всех

сил стараются внушить российскому писателю, что он должен начать писать что-нибудь коммерческое. Я не против коммерческой литературы, но пусть это будет хорошо. Если я вижу, как талантливый Валерий Попов пишет сочинение под названием "Разбойница", которое выходит в аляповатой обложке, и все там построено на эксплуатации эротической тематики, то мне становится грустно за замечательного, горячо любимого мною, писателя. Раньше тот же Валерий Георгиевич писал про банку с вареньем, про Ростов-на-Дону, про то, как смотрят мальчишки на паром, и восторг жизни, в частности и восторг плоти, дышал в каждой фразе. Теперь же - бесконечно скучно, ясно, что он выполняет некоторый норматив. Я не думаю, что вещь эта окажется коммерчески выгодной. Я не думаю, что она окажется выигршной для интеллектуального читателя, который все равно Попова не перестанет любить, потому что старая любовь не ржавеет. Установка на бестселлер так же скучна и так же враждебна писателю, как установка на романы из жизни подводников или коровников, которые заказывались в благословенные времена советской литературы. Ни один внеположенный автору заказ не лучше другого. Тем более, что в нашей коммерческой словесности все время ощущается претензия на некую двуслойность, а вместо двуслойности получается отсутствие обоих слоев. Это проблема. Потому что необходимость во вполне серьезном, но увлекательном, открывающем сюжетную перспективу тексте есть.

В огромной мере успех владимовского романа "Генерал и его армия" был связан именно с этим, с существованием персонажей, не похожих друг на друга, и истории, у которой есть начало и конец.

Напоследок скажу еще два слова. Мне было бы просто неловко не назвать двух писателей, которых, слава Богу, у нас уже перестают называть молодыми, писателей, работающих, на мой взгляд, интереснее и успешнее многих, при том, что, наверное, по сбиванию колод они окажутся в разных пространствах. Это, во-первых, Алексей Слаповский, человек, написавший очень много легкого и быстрого, хотя вся его проза оказывается почему-то чрезвычайно грустной. Он пишет как раз характерами, стремится дать человеческое разнообразие, но вдруг превращается в грустного автора, осознающего, что тем-то и тем-то он не был. Роман "Первое Второе Пришествие" - вещь, чрезвычайно серьезная. Тут нет вопроса об уровне письма - здесь есть все необходимое и вполне элегантно выстроенное. Роман меньше всего можно назвать "бесовскими танцами", хотя такого рода претензии к этой книге предъявлялись, и, я думаю, что зря. И другой писатель, которого я хотел бы назвать, написавший крайне мало - это Андрей Дмитриев, с его очень традиционной, реалистической манерой. Я

убежден, что такая традиционность, где за каждым слоем открывается многомерная семантическая перспектива, могла появиться только сейчас.

Можно, таким образом, выделить два взгляда на современную отечественную словесность. Один - это "все погребло". Этот мотив не может не возникать. Мы действительно живем в сложной ситуации. С другой стороны, мотив бодрый: невиданная словесность, великие перспективы и т. д. Все-таки, глядя на современную русскую прозу, мне хочется перефразировать известный афоризм Тьяньнова. Помните, он говорил о поэзии: закажешь Индию - получишь Америку. Так вот в прозе сейчас ситуация, скорее, обратная: заказывают Америку, а получают Индию, то есть, что-то, уже более или менее изведенное. На что есть свое утешение: Индия тоже очень хорошая страна!